

О ВОСПРИЯТИИ НЕКОТОРЫХ РУССКИХ ВЕРБАЛЬНЫХ ХЕЗИТАТИВОВ НОСИТЕЛЯМИ ДРУГИХ ЯЗЫКОВ¹

Наталья Георгиевна Кутруева

студентка 2 курса магистратуры (направление «Русский язык»)

Санкт-Петербургский государственный университет

199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 11. kytrysha@mail.ru

Настоящая статья продолжает серию исследований, посвященных вербальному заполнению хезитационных пауз в русской устной спонтанной речи, конечной целью которых является создание специального словаря вербальных хезитативов. В разговорной речи существует довольно большой пласт единиц, не зафиксированных в традиционных словарях и грамматиках. Одной из ярких особенностей спонтанной речи, которая обдумывается и порождается в одно и то же время, являются разного рода хезитационные элементы, в том числе и целые хезитационные конструкции, в которых вербализуются колебания говорящего в выборе речевых средств. Такие элементы, как показал анализ корпусного материала, весьма разнообразны – *(не) это самое, (я) не знаю, (я) (не) думаю (что), в (на) самом деле, короче (говоря), собственно (говоря)* и под. – и легко поддаются систематизации с точки зрения функций, выполняемых ими в спонтанной речи. Такие единицы в дальнейшем мы будем называть дискурсивными. В состав дискурсивных единиц входят неречевые (*э-э, м-м, а-а*), условно-речевые хезитативы (*вот, ну, типа*) и вербализованные хезитационные конструкции. Конкретным объектом исследования стала «лексикализованная конструкция с местоименным компонентом» (В. И. Подлеская) *как его (ее, их)*. Статья посвящена восприятию носителями немецкого и английского языков исследуемой конструкции спонтанной русской речи и специфике ее перевода с русского на родной язык иностранцев.

Ключевые слова: устная спонтанная речь; пауза хезитации; хезитационная конструкция; вербальный хезитатив; звуковой корпус.

Проблемы восприятия русской устной спонтанной речи иноязычной аудиторией требуют серьезного изучения. Зачастую студенты, понимающие русскую речь и хорошо говорящие по-русски в университетской аудитории, теряются в условиях естественной коммуникации. И часто их коммуникативные неудачи обусловлены не недостаточным запасом лексики или незнанием русской грамматики, а неумением ориентироваться в естественной речевой стихии, в обилии присущих спонтанной речи особенностей, таких как разного рода речевые ошибки, самоперебивы, самокоррекция, хезитации и т.п. [Звуковой корпус ... 2013, 2014, 2015].

Одной из наиболее ярких особенностей устной спонтанной речи, которая обдумывается и порождается в одно и то же время, что создает условия временного дефицита, является наличие разного рода хезитационных элементов – показателей раздумий говорящего в процессе речепо-

рождения, поиска им нужного слова или выражения.

Термин «пауза колебания» появился во второй половине прошлого века. Помимо этого термина в литературе встречаются и другие подобные: «пауза нерешительности», «пауза размышления», «пауза обдумывания», которые так и не получили широкого распространения [Александрова, Иваницкий 2003]. Термин «хезитация» появился благодаря транслитерации английского *hesitation* – ‘колебание’. Хезитация – это «внутренний перебив в процессе речепорождения, связанный с тем, что говорящий в силу каких-либо причин оказывается неспособным продолжать говорение» [Яковлев 1998: 176]. В зарубежном научном мире пауза колебания обычно трактуется как нежелательный, или деструктивный, компонент речи, о чем свидетельствуют следующие термины: «disruptions» (разрывы), «disturbances» (нарушения) «speech disfluences» (прерывистость речи) [Александрова 2004].

Паузы хезитации могут быть заполненными и незаполненными. Незаполненная пауза хезитации образует перерыв в звучании. К заполненным же паузам можно отнести вокализации (э-э, м-м, гм и др.); затяжки звуков (*ходил в кино-о на-а выходных*); «пустые» вводные слова, выражения, местоимения, наречия, которые часто называют «словами-паразитами» или «пустыми словами» (*так сказать, значит, ну, это, вот* и др.); вставные фразы говорящего – метатекстовые комментарии, обращенные к адресату или к самому себе, обеспечивающие непрерывный контакт с собеседником (*как вы знаете, видите ли, понимаешь* и др.); непреднамеренные повторы, в том числе частичный повтор (*я хотела ла*), полный повтор слова (*он купил купил новый блок-нот*) и даже повтор целого словосочетания (*это было на летних каникулах на летних каникулах в деревне*); невербальные паузы колебания – покашливания, вздохи, смех, цоканье языком; самопрерывания, в том числе рестарты – повторные начала (*общ... общение с начальником*) и фальстарты – неудачные начала (*не афиши... с глазу на глаз поговорить*); незаконченные высказывания, в которых смысл, необходимый для коммуникации, невозможно извлечь ни из контекста, ни из ситуации, ни из фоновых знаний говорящих [Белицкая 2014].

Для спонтанной речи весьма характерно, в частности, лексическое заполнение пауз хезитации разного рода единицами: словами или целыми конструкциями – *вербальными хезитативами* (ВХ). Исследователями [Кибрик, Подлеская 2009] было показано, что именно заполненные паузы являются типичным маркером хезитации.

Объектом внимания в настоящей статье является одна из таких «лексикализованных конструкций с местоименным компонентом» [Подлеская 2013: 634] – вербальный хезитатив *как его* (*ее, их*), точнее – его восприятие носителями других языков и специфика его перевода с русского на родной язык иностранцев.

В рамках исследования был проведен эксперимент, в котором приняли участие 10 носителей немецкого языка и 4 носителя английского языка. Уровень их владения русским языком определялся исходя из данных, опубликованных на сайте Министерства образования и науки РФ.

Российская государственная система тестирования иностранных граждан была создана в 1995 г. и включает в себя пять уровней [Уровни владения русским языком <http://www.russia.edu.ru/rus/levels/>].

1. А1 / элементарный уровень. Кандидат может устанавливать и поддерживать социальные контакты в стандартных ситуациях повседневной

жизни; владеет минимумом языковых средств, его словарь может достигать 900–1000 лексических единиц, в т.ч. 240 интернационализмов и около 30 единиц речевого этикета (курс обучения – не менее 60–80 аудиторных часов).

2. А2 / базовый уровень. Достигнув этого уровня владения русским, иностранец при общении с носителями языка сможет удовлетворять коммуникативные потребности в необходимых случаях, но в ограниченном числе предсказуемых ситуаций. Ситуации общения на данном уровне связаны с бытовой, социально-культурной и учебной сферами. При этом набор языковых средств, обеспечивающих общение в данных сферах, строго ограничен коммуникативными потребностями данного уровня. Предполагается, что для достижения базового уровня владения русским языком требуется 160–180 учебных часов. При этом объем лексического минимума должен достигать 1300 единиц.

3. В1 / пороговый уровень. Владение русским языком как иностранным на этом уровне достаточно для начала обучения в российских учебных заведениях, в т.ч. высшего профессионального образования, т.е. в университетах, институтах и академиях. Кандидат может решать практические задачи в типичных ситуациях повседневной жизни (в том числе в профессиональной и учебной сферах), поддерживать социально-деловое взаимодействие. Он владеет основами русской языковой системы. Чтобы сдать экзамен этого уровня, необходимо изучать русский язык 400–480 часов.

4. В2 / постпороговый уровень. Кандидат может решать задачи социально-делового и межличностного взаимодействия, свободно понимать информацию из СМИ, пользоваться различными стилями языка. Чтобы сдать экзамен этого уровня, необходимо изучать русский язык 560–680 часов. Объем лексического минимума должен достигать уже 2300 единиц.

5. С1 / уровень компетентного владения. Кандидат может свободно решать задачи в типичных ситуациях социально-бытовой, социокультурной и профессиональной сфер общения, пользуясь средствами русского языка разных стилей речи и распознавая скрытые компоненты значений. Кандидат может говорить без подготовки в быстром темпе, не испытывая затруднений с подбором слов и выражений, и активно участвовать в полемическом общении. Гибко и эффективно использовать язык в учебе и профессиональной деятельности. Объем лексического минимума на этом уровне должен достигать 12 000 единиц, в том числе 7 000 единиц из активной части словаря.

Испытуемым предлагалось перевести отрывки, взятые из Звукового корпуса русского языка (блок «Один речевой день» – ОРД, см. о нем подробнее: [Степанова и др. 2008]), сохраняя особенности спонтанной речи²:

1. – Так, ну что, это каким сделаем?

– Давайте просто красным?

– Да, вишневым таким вот.

– Ты понимаешь, прям вот таким вот вишневым, ты думаешь?

– Да!

– Нет, а я думаю, знаешь что? Вот этот вот дом, он... можно тоже таким, это как его, ну, как брёвна, как доски. А вот эту сторону... она будет немножко потемнее, в тени потому что.

2. Ну вот, я Данилевского что-то посмотрел уже, когда-то в прошлом году, наверное, она, кстати, есть в Интернете, если тебе интересно, эта монархическая, эта как **ее** государство у нас есть в Интернете.

3. Мне сегодня студенты что-то такое рассказали, а я и не знаю, врут они мне вообще или это действительно произошло, на самом деле? Так а что, умер этот как его Игорь Моисеев?

Носители английского и немецкого языков дали следующие варианты перевода предложенных фрагментов – рассмотрим их последовательно. В статье приведены переводы не всех фрагментов, а только интересующих нас конструкций.

Переводы носителей английского языка

• И1: пол – мужской, возраст – 23 года, уровень – С1

1. *What's it called, like logs or a board – как это называется.*

2....*that monarchy state thing or whatever* – английский аналог вербального хезитатива.

3. *what's his name, Igor Moiseev – как его зовут.*

• И2: пол – мужской, возраст – 21 год, уровень – С1

1. *It's like it, well like logs or planks* – английский аналог вербального хезитатива.

2. *...it's monarchic like the government* – испытуемый переводит конструкцию дословно.

3. *It's said that Igor Moicev died* – *Говорят, Игорь Моисеев. умер.* Испытуемый вообще не переводит вербальный хезитатив.

• И3: пол – женский, возраст – 30 лет, уровень – С1

1. *Something like with those logs* – *что-то типа.*

2. Испытуемый не перевел предложение.

3. *It maybe that what's his name, Igor Moiseev – как его зовут.*

• И4: пол – женский, возраст – 68 лет, уровень – С1

1. *like that, see like the logs* – *как эти.*

2. *this monarchic* – *эту монархическую.* Испытуемый переводит только указательное местоимение.

3. *that this one died like Igor Moiseev* – Испытуемый неверно понял предложение (*кто-то умер как Игорь Моисеев*).

Все испытуемые указали для себя один и тот же уровень владения русским языком (С1), поэтому установить корреляцию этого параметра с особенностями восприятия и перевода русских речевых оборотов не представляется возможным.

Из-за разнообразия вариантов перевода исследуемой конструкции дадим каждому предложению отдельную количественную характеристику в рассматриваемом отношении (см. рис. 1–3).



Рис. 1. Количественное соотношение избранных испытуемыми вариантов перевода исследуемой конструкции (перевод на английский язык; предложение 1)

Из рис. 1 видно, что для данного предложения каждый испытуемый предложил свой вариант перевода конструкции *как его (ее)*. Стоит отметить, что при этом никто не опустил эту конструкцию и постарался тем или иным способом показать речевой сбой.

Со вторым предложением все носители английского языка справились хуже. Два испытуемых не предложили никакого варианта перевода

исследуемой конструкции, один практически опустил ее и перевел только указательное местоимение, и только один из испытуемых подобрал аналог этой конструкции на английском языке (рис. 2).

Что касается третьего предложения, то два испытуемых перевели конструкцию как *как его зовут*, остальные двое пропустили это предложение (см. рис. 3).



Рис. 2. Количественное соотношение избранных испытуемыми вариантов перевода исследуемой конструкции (перевод на английский язык; предложение 2)

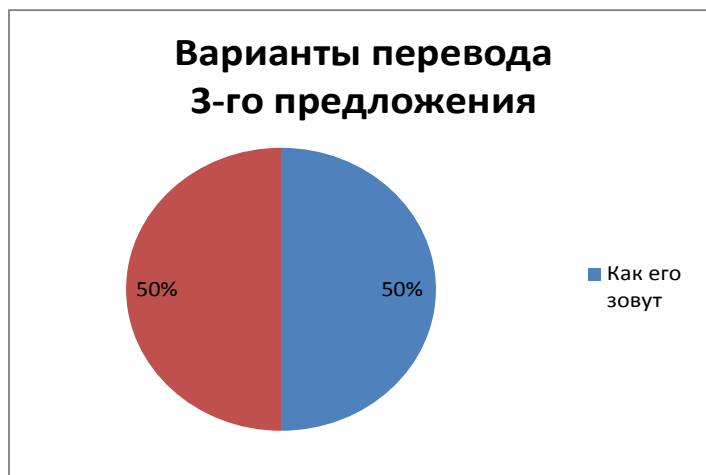


Рис. 3. Количественное соотношение избранных испытуемыми вариантов перевода исследуемой конструкции (перевод на английский язык; предложение 3)

В ОРД и в устном подкорпусе Национального корпуса русского языка обнаруживаются контексты, которые можно отнести к так называемым *пограничным случаям*, по которым можно восстановить своего рода историю возникновения (реконструкцию) исследуемой в настоящей работе конструкции:

1. *да кстати а как его зовут* // л как // *П не помню // *П забыл // *П в принципе тоже кажется что @ он просто знает *Н / кто такой [И29, М1]³;

2. [№ 1, жен, 61] *Была одна передача / выступала председатель комиссии / где / я забыла / как её там / как её фамилия / имя / отчество её*

[Беседа с социологом о переписи населения, 7 (Владивосток) // Интернет, 2001].

Можно предположить, что именно из таких полных форм и могли родиться (под действием закона экономии) усеченные как *его* (*ee, ix*). В ходе эксперимента испытуемые трижды использовали варианты перевода как *его зовут* или как *это называется*, что подтверждает своего рода историю возникновения данной конструкции (см. об этом подробнее: [Богданова-Бегларян, Кутруева 2013]).

Переводы носителей немецкого языка

• И1: пол – мужской, возраст – 28, уровень – В1

1. *es ist wie er* – это есть как он. Испытуемый дословно переводит конструкцию, местоименный компонент употребляется в начальной форме.

2. *Ist wie ihr* – это есть как её. Также дословный перевод, однако местоимение стоит в форме косвенного падежа женского рода.

3. *Wie Igor Moiseev sagt* – Испытуемый неверно понял смысл предложения (как говорит Игорь Моисеев).

• И2: пол – женский, возраст – 20 лет, уровень – В1

1. *Irgeud wie so wie* – какие-то такие, как. Испытуемый не переводит конструкцию соответствующим немецким вербальным хезитативом, но пытается как-то передать замешательство говорящего.

2. *Diese wie war das gleich* – эта как её там, сейчас (вспомню). Испытуемый переводит конструкцию, используя немецкий аналог вербального хезитатива.

3. *Ist der Igor* – тот самый Игорь. Испытуемый переводит конструкцию, используя определенный артикль *der*.

• И3: пол – мужской, возраст – 42, уровень – В1

1. *Es ist wie ihm* – этот как его. Испытуемый дословно переводит конструкцию, используя косвенную форму местоимения.

2. Испытуемый не понял предложения (как наше государство).

3. Испытуемый не переводит предложения.

• И4: пол – женский, возраст – 22, уровень – В1

1. *Das wie ihm* – это как его. Испытуемый дословно переводит конструкцию, употребляя форму косвенного падежа местоимения, но забывая поставить глагольную форму, обязательную для немецкого языка.

2. *Das wie ihr* – это как её. Дословный перевод с использованием косвенной формы местоимения.

3. *Diese wie sein* – это как твой. Испытуемый переводит исследуемую конструкцию притяжательным местоимением, но он либо путает формы местоимений, либо чувствует, что конструкция как *его* носит здесь особенный характер, и пытается ее передать с помощью местоимения *твой*.

• И5: пол – мужской, возраст – 23, уровень – В1

1. *Das wie sagt man, wie* – этот есть как говорят. Испытуемый неверно понял смысл предложения.

2. *Diese* – эта. Испытуемый переводит только указательное местоимение.

3. *Dieser* – этот. Испытуемый переводит только указательное местоимение.

• И6: пол – женский, возраст – 22, уровень – В1

1. *Wie dann das* – как это. Испытуемый переводит немецким аналогом конструкции как *ее*.

2. *Wie Ihre* – как её. Дословный перевод.

3. Испытуемый не перевел предложения.

• И7: пол – женский, возраст – 22, уровень – В1

1. *Das sind wie seine* – эти есть как твои, такие же как доски.

2. Испытуемый не перевел предложения.

3. Испытуемый не перевел предложения.

• И8: пол – женский, возраст – 34, уровень – В1

1. Испытуемый не перевел предложения.

2. Испытуемый не перевел предложения.

3. *Wie heib er noch mal* – как его там зовут.

• И9: пол – женский, возраст – 20, уровень – В1

1. *Genau die se ben* – точно такие как бревна, точно такие же как доски.

2. Испытуемый не перевел предложения.

3. Испытуемый не перевел предложения.

• И10: пол – женский, возраст – 23, уровень – В1

1. *Also wie* – ну как его. Аналог вербального хезитатива.

2. Испытуемый не перевел предложения.

3. *Heib er noch mal* – как его зовут.

Все носители немецкого языка также указали один уровень владения русским языком (В1), но он ниже того, что указали носители английского языка (С1). В настоящей работе мы постараемся проследить, влияет ли уровень владения языком на восприятие русской спонтанной речи. На рисунках ниже показано соотношение тех вариан-

тов перевода исследуемой конструкции, которые избрали немецкие испытуемые.

В случае с первым предложением пять из десяти испытуемых неверно перевели исследуемую конструкцию, при этом три из пяти перевели ее дословно, полученное в результате предложение не несет никакой смысловой нагрузки. Однако еще пять испытуемых либо перевели *как его* с использованием немецкого аналога вербального хезитатива, либо постарались каким-то иным

способом передать поиск говорящим подходящего слова (см. рис. 4).

Второе предложение, так же как в случае с испытуемыми, владеющими английским языком, для носителей немецкого языка оказалось сложным для перевода. Всего один испытуемый перевел *как её* аналогом вербального хезитатива. Остальные либо переводили дословно, либо не переводили вообще, а один испытуемый перевел только указательное местоимение, но опустил сам вербальный хезитатив (см. рис. 5).



Рис. 4. Количественное соотношение избранных испытуемыми вариантов перевода исследуемой конструкции (перевод на немецкий язык; предложение 1)



Рис. 5. Количественное соотношение избранных испытуемыми вариантов перевода исследуемой конструкции (перевод на немецкий язык; предложение 2)



Рис. 6. Количественное соотношение избранных испытуемыми вариантов перевода исследуемой конструкции (перевод на немецкий язык; предложение 3)

В переводах третьего предложения носителями немецкого языка дважды представлен вариант *как его зовут*, еще два испытуемых предложили вариант перевода *тот самый / твой*, т.е. перевели исследуемую конструкцию не аналогом ВХ, но стараясь подчеркнуть поиск говорящим подходящего слова. Но большинство испытуемых с немецким языком просто не перевели предложения или саму исследуемую конструкцию. Так, И5 вновь дает перевод только указательного местоимения.

Исходя из полученных данных, можно сделать вывод о том, что уровень владения языком определенным (и вполне ожидаемым) образом влияет на восприятие русской спонтанной речи. Так, носители английского языка, указавшие для себя более высокий уровень, показали и более высокий процент верных переводов. Носители немецкого языка оставляли больше непереведенных предложений и редко использовали в пере-

водах аналоги ВХ. Выявить какие-то закономерности в собственно переводе исследуемой конструкции не удалось. Однако стоит отметить, что второе предложение оказалось наиболее сложным для перевода, а в третьем предложении носители как немецкого, так и английского языка использовали «пограничную конструкцию *как его зовут*».

В семи случаях (17 %) носители немецкого и английского языков дословно перевели исследуемую конструкцию, 5 раз (13 %) испытуемые перевели конструкцию *как его (её, их) как как зовут / как называется*, 10 раз (25 %) использовали аналог вербального хезитатива из родного языка или попытались иным образом передать замешательство говорящего, 14 раз (35 %) носители немецкого и английского языков предложения не перевели, 4 раза (10 %) перевели конструкцию соответствующим указательным местоимением.



Рис. 7. Количественное соотношение избранных испытуемыми вариантов перевода исследуемой конструкции (перевод на немецкий языки на английский языки; предложение 1, 2, 3)

Полученные данные интересно было сравнить с данными, полученными Е.Ю. Риехакайнен в перцептивном эксперименте на материале русской спонтанной речи. Испытуемым (носителям русского языка) предлагались фрагменты звучащих диалогов с заданием записать их в орфографии. Конечной целью эксперимента было проследить степень распознаваемости русских редуцированных форм, столь типичных для спонтанного речепорождения. Любопытно, что наличие в речи вербальных хезитативов и редуцированных слов практически никак не сказалось на процессе восприятия и интерпретации сообщения слушающим. Испытуемые успешно справлялись с этим заданием, но были «склонны опускать <...> повторы, неполные слова, прерываемые паузами хезитации (*абсол...*), и некоторые малозначимые дискурсивные слова (*вот, вроде, то есть, знаешь, понимаешь*)» [Риехакайнен 2010: 15]. Иными словами, всякие «мусорные» дискурсивные элементы отнюдь «не мешают носителям русского языка воспринимать звучащий текст, они легко “очищают” его от этого “мусора”, “высвобождая” смысл сказанного и не считая нужным фиксировать его в письменной форме» [Богданова 2011: 41].

Иначе дело обстоит с носителями других языков: наличие в тексте непривычных единиц, отсутствующих в традиционных словарях и грамматиках, по которым обычно изучают русский язык иностранцы, часто сбивает их с толку и затрудняет восприятие высказывания. «Спасением» может стать небольшой, но в практическом отношении очень полезный *Словарь вербальных хезитативов русской речи*, с целью создания которого и проведено это небольшое исследование (см. подробнее о проекте такого словаря: [Богданова-Бегларян 2013]).

Примечания

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ № 14-18-02070 «Русский язык повседневного общения: особенности функционирования в разных социальных группах».

² Для упрощения задачи фрагменты расшифровок были представлены испытуемым в привычном орфографическом виде, со знаками препинания.

³ Об особенностях расшифровки материалов ОРД см.: [Шерстинова и др. 2009].

Список литературы

Александрова О.А. Речекоммуникативный статус паузы колебания: дисс. ... канд. филол.

наук. Великий Новгород, 2004. 208 с. (машинопись).

Александрова О.А., Ивануцкий В.В. Пауза колебания – комплексный феномен современной коммуникации // Вестник Новгородского государственного университета. 2003. № 25. С. 95–101.

Белицкая А.А. О роли хезитационных пауз в спонтанной речи // Филология и литературоведение. 2014. № 2. URL: <http://philology.snauka.ru/2014/02/698> (дата обращения: 20.03.2015).

Богданова Н.В. Действительно ли наша устная речь экономна в средствах? // Язык и речевая деятельность. 2010-2011. Т. 10–11. [В честь Н.Д. Светозаровой]. СПб., 2011. С. 33–44.

Богданова-Бегларян Н.В. О словаре «не-слов»: возможности лексикографического описания вербальных хезитативов русской речи // Слово. Словарь. Словесность: Коммуникация. Текст. Синтаксис (к 90-летию со дня рождения С.Г. Ильенко): материалы Всеросс. науч. конф., Санкт-Петербург, РГПУ им. А.И. Герцена, 13-15 ноября 2013 г. / отв. ред. В.Д. Черняк. СПб.: Сага, 2013. С. 359–364.

Богданова-Бегларян Н.В., Кутруева Н.Г. Об одном из вербальных хезитативов русской устной речи: как *его* (*ее, их*) в различных функциональных разновидностях // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2013. Вып. 4 (24). С. 7–18.

Звуковой корпус как материал для анализа русской речи. Ч. 1. Чтение. Пересказ. Описание / отв. ред. Н.В. Богданова-Бегларян. СПб.: Филол. факультет СПбГУ, 2013. 532 с.

Звуковой корпус как материал для анализа русской речи. Ч. 2. Теоретические и практические аспекты анализа. Т. 1. О некоторых особенностях устной спонтанной речи разного типа. *Звуковой корпус* как материал для преподавания русского языка в иностранной аудитории / отв. ред. Н.В. Богданова-Бегларян. СПб.: Филол. факультет СПбГУ, 2014. 396 с.

Звуковой корпус как материал для анализа русской речи. Ч. 2. Теоретические и практические аспекты анализа. Т. 2. *Звуковой корпус* как материал для новых лексикографических проектов / отв. ред. Н.В. Богданова-Бегларян. СПб.: Филол. факультет СПбГУ, 2015. 364 с.

Кибрик А.А., Подлесская В.И. (ред.). Рассказы о сновидениях. Корпусное исследование устного русского дискурса. М.: Языки слав. культуры, 2009. 736 с.

Подлесская В.И. Нечеткая номинация в русской разговорной речи: опыт корпусного исследования // Компьютерная лингвистика и интел-

лектуальные технологии. По материалам ежегодной Междунар. конф. «Диалог» (2013) (Бекасово, 29 мая – 2 июня 2013 г.). Вып. 12 (19): в 2 т. Т. 1. Основная программа конференции / гл. ред. В.П. Селегей. М.: РГГУ, 2013. С. 631–643.

Риехакайнен Е.И. Взаимодействие контекстной предсказуемости и частотности в процессе восприятия спонтанной речи: на материале русского языка: дисс. ... канд. филол. наук. СПб., 2010. 26 с. (машинопись).

Степанова С.Б., Асиновский А.С., Богданова Н.В., Русакова М.В., Шерстинова Т.Ю. Звуковой корпус русского языка повседневного общения «Один речевой день»: Концепция и состояние формирования // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Вып. 7 (14). По материалам ежегодной Междунар. конф. «Диалог-2008» / гл. ред. А.Е. Кибик. М.: РГГУ, 2008. С. 488–494.

Уровни владения русским языком. URL: <http://www.russia.edu.ru/rus/levels/> (дата обращения: 15.03.2015).

Шерстинова Т.Ю., Рыко А.И., Степанова С.Б. Система аннотирования в звуковом корпусе русского языка «Один речевой день» // Формальные методы анализа речи: материалы XXXVIII Междунар. филол. конф. (16-20 марта 2009 г.) / отв. ред. П.А. Скрелин. СПб.: Факультет филологии и искусств, 2009. С. 66–75.

Яковлев А.Е. К проблеме тождества и различия в функционировании хезитаций в устной русской речи // Филологические этюды: сб. науч. ст. молодых ученых. Саратов: Изд-во Саратов. унта, 1998. Вып. 2. С. 176–178.

References

Aleksandrova O.A. Rehekommunikativnyj status pauzy kolebanija: diss. ... kand. filol. nauk [Function of the hesitation pause in speech: Cand. philol. sci. diss.]. Veliky Novgorod, 2004. 208 p.

Aleksandrova, O.A., Ivanickij V.V. Pauza kolebanija – kompleksnyj fenomen sovremennoj kommunikacii [The hesitation pause as a complex phenomenon of modern communication]. Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta [Novgorod State University Herald]. 2003. № 25. P. 95–101.

Belickaja A.A. O roli khezitacionnykh pazv v spontannoj rechi [On the role of hesitation pauses in spontaneous speech]. Philology and Literary Criticism. 2014. № 2. Available at: <http://philology.snauka.ru/2014/02/698> (accessed 20.03.2015).

Bogdanova N.V. Dejstvitel'no li nasha ustnaja rech' ehkonomna v sredstvakh? [Is our speech really economical with linguistic means?]. Jazyk i re-

chevaja dejatel'nost' [Language and speech activity. 2010-2011. Vols. 10-11]. St. Petersburg, 2011. Vols. 10-11. P. 33-44.

Bogdanova-Beglarjan N.V. O slovare “ne-slov”: vozmozhnosti leksikograficheskogo opisanija verbal'nykh khezitativov russkoj rechi [On the dictionary of “non-words”: the possibilities of lexicographical description of Russian verbal hesitation fillers]. Slovo. Slovar'. Slovesnost': Kommunikacija. Tekst. Sintaksis: materialy Vseross. nauch. konf. [Word. Dictionary. Philology: Communication. Text. Syntax: proceedings of All-Russian scientific conference]. St. Petersburg: Saga, 2013. P. 359-364.

Bogdanova-Beglarjan N.V., Kutrujeva N.G. Ob odnom iz verbal'nykh khezitativov russkoj ustnoj rechi: kak ego (ejo, ikh) v razlichnykh funkcional'nykh raznovidnostjakh [On a hesitation filler in Russian spontaneous speech]. Vestnik Permskogo universiteta. Rossijskaja i zarubezhnaja filologija [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology]. 2013. Iss. 4(24). P. 7-18.

Jakovlev A.E. K probleme tozhdestva i razlichija v funkcionirovanii khezitacij v ustnoj russkoj rechi [On the problem of identity and differences in functioning of hesitation fillers in Russian speech]. Filologicheskie ehtjudy: sb. nauch. st. molodykh uchjonykh [Philological studies: collected scientific articles of young scholars]. Saratov: Saratov Univ. Publ. 1998. Vol. 2. P. 176-178.

Kibrik A.A., Podlesskaja V.I. (ed.) Rasskazy o snovidenijakh. Korpusnoe issledovanie ustnogo russkogo diskursa [Stories about dreams. Corpus-based research of Russian speech discourse]. Moscow: Jazyki slav. kul'tury, 2009. 736 p.

Podlesskaja V.I. Nechjotkaja nominacija v russkoj razgovornoj rechi: opyt korpusnogo issledovanja [Vague nomination in Russian speech: a case study of corpus-based research]. Komp'juternaja lingvistika i intellektual'nye tekhnologii: Trudy mezhdunarodnoj konferencii «Dialog-2013». Tom 1. Osnovnaja programma konferencii [Computational Linguistics and Intelligent Technologies: Proceedings of the International Conference «Dialogue 2013». Vol. 1. The Main Program of the Conference]. Iss. 12 (19). Moscow: RSUH Publ., 2013. P. 631-643.

Rahikainen E.I. Vzaimodejstvie kontekstnoj predskazuемости i chastotnosti v processe vosprijatija spontannoj rechi: na materiale russkogo jazyka. Diss. ... kand. filol. nauk [Interaction of contextual predictability and frequency in the process of spontaneous speech perception: a case study of the Russian language. Cand. philol. sci. diss.]. St. Petersburg., 2010. 26 p.

Sherstinova T.Ju., Ryko A.I., Stepanova S.B. Sistema annotirovanija v zvukovom korpuse russkogo jazyka "Odin rechevoj den"[Annotating in the Russian speech corpus «One Speaker's Day»]. Formal'nye metody lingvisticheskogo analiza. Materialy Mezhdunarodnoj filologicheskoy konferencii (mart, 16-20, 2009) [Formal methods of linguistic analysis. Proceedings of international philological conference (March, 16-20, 2009)]. St. Petersburg, 2009. P. 66-75.

Stepanova S.B., Asinovskij A.S., Bogdanova N.V., Rusakova M.V., Sherstinova T.Ju. Zvukovoj korpus russkogo jazyka povsednevnogo obshhenia: Konceptia i sostojanie formatirovanja [Speech corpus of Russian everyday communication language «One Speaker's Day»: Basic conception and current state]. Komp'yuternaja lingvistika i intellektual'nye tekhnologii: Trudy mezhdunarodnoj konferencii «Dialog 2008». Computational linguistics and intellectual technologies: Proceedings of the international conference «Dialogue 2008». Bekasovo, 2008. P. 488–494.

Urovni vladenija russkim jazykom [Levels of the Russian language proficiency]. Available at:

<http://www.russia.edu.ru/rus/levels/> (accessed: 15.03.2015).

Zvukovoj korpus kak material dl'a analiza russkoj rechi. Ch. 1. Chtenie. Pereskaz. Opisanie [Speech corpus as material for Russian speech analysis. Part 1. Reading. Retelling. Description]. / *N.V. Bogdanova-Beglarjan* (ed.). St. Petersburg: Philological Faculty of StPbSU Publ., 2013. 532 p.

Zvukovoj korpus kak material dl'a analiza russkoj rechi. Ch. 2. Teoreticheskie i prakticheskie aspekty analiza [Speech corpus as material for Russian speech analysis. Part 2. Theoretical and practical aspects of analysis]. / *N.V. Bogdanova-Beglarjan* (ed.). St. Petersburg: Philological Faculty of StPbSU Publ., 2013. Vol. 1. 396 p.

Zvukovoj korpus kak material dl'a analiza russkoj rechi. Ch. 2. Teoreticheskie i prakticheskie aspekty analiza [Speech corpus as material for Russian speech analysis. Part 2. Theoretical and practical aspects of analysis]. / *N.V. Bogdanova-Beglarjan* (ed.). St. Petersburg: Philological Faculty of StPbSU Publ., 2015. Vol. 2. 364 p.

ON THE PERCEPTION OF SOME RUSSIAN HESITATION FILLER WORDS BY SPEAKERS OF OTHER LANGUAGES

Natalia G. Kutruева
Student in the Faculty of Philology
Saint Petersburg State University

This article continues a series of research works devoted to hesitation pauses filling in Russian spontaneous speech and aimed at creation of a special dictionary of verbal hesitation units. The subject of the research is the hesitation collocation *как ego (ee, ux)* (*kak ego (ejo, ikh)*) that basically appears in difficult speech situations and signifies that the speaker is searching for the right word/phrase to continue the speech. Problems of perception of Russian spontaneous speech by foreign language audience require serious study. Students who understand Russian speech and are good at speaking at university, often get lost in real-life communication. And their communicative failures are often connected not with insufficient vocabulary or lack of knowledge of Russian grammar, but with their inability to understand natural spontaneous speech with its peculiarities. In spontaneous speech there is a fairly large number of units that are not presented in traditional dictionaries and grammars. One of the principal features of spontaneous speech, which is thought over and produced at the same time, is hesitation units of different kind, including whole hesitation structures, in which a speaker's doubts as to what speech means to choose are verbalized. As is shown by the analysis of a speech corpus material, such elements are various and easy to systematize in terms of the functions they perform in spontaneous speech. We will call such units discourse units. Among the discourse units there are non-speech units (э-э, м-м, а-а), conventional speech hesitation fillers (*вот, ну, мuna*) and verbalized hesitation units. In the context of our research an experiment was conducted, in which ten native German speakers and four native English speakers participated. The level of the Russian language proficiency was determined on the basis of data published on the website of the Ministry of education and science of the Russian Federation. Respondents were asked to translate extracts taken from a speech corpus of the Russian language.

Key words: spontaneous speech; hesitation pause; hesitation word; hesitation collocation; verbal hesitation unit; speech corpus.